

18+

Михаил Журавлев

**Реквием
по фальшивой ноте**

Михаил Журавлев

Реквием по фальшивой ноте

«Издательские решения»

Журавлев М.

Реквием по фальшивой ноте / М. Журавлев — «Издательские решения»,

Вечерний город медленно погружался в сумерки, и на улицах загорались первые огни фонарей. Их тусклый свет отражался в мокром асфальте, напоминая о недавно прошедшем дожде. В воздухе стоял запах сырости и свежести, смешанный с едва уловимым ароматом цветущих лип. Люди спешили по домам, кутаясь в шарфы и пальто, стараясь поскорее укрыться от промозглого ветра. Лишь редкие прохожие задерживались у витрин магазинов, разглядывая яркие вывески и манекены, застывшие в неестественных позах.

Содержание

Реквием по фальшивой ноте	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Реквием по фальшивой ноте

Михаил Журавлев

© Михаил Журавлев, 2026

ISBN 978-5-0070-1917-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реквием по фальшивой ноте

Глава 1

Вечерний город медленно погружался в сумерки, и на улицах загорались первые огни фонарей. Их тусклый свет отражался в мокром асфальте, напоминая о недавно прошедшем дожде. В воздухе стоял запах сырости и свежести, смешанный с едва уловимым ароматом цветущих лип. Люди спешили по домам, кутаясь в шарфы и пальто, стараясь поскорее укрыться от промозглого ветра. Лишь редкие прохожие задерживались у витрин магазинов, разглядывая яркие вывески и манекены, застывшие в неестественных позах.

В одном из старых дворов-колодцев, затерянных среди лабиринта центральных улиц, царила особая тишина. Здесь время словно остановилось: стены домов, покрытые трещинами и пятнами сырости, хранили память о десятках поколений. В окнах кое-где горел свет, но большинство квартир уже погрузились во мрак. Лишь на третьем этаже углового дома, в квартире номер семь, окно было распахнуто настежь, и из него доносились приглушённые звуки рояля.

За инструментом сидел молодой человек лет двадцати пяти. Его тонкие пальцы уверенно скользили по клавишам, извлекая из инструмента тоскливую, пронзительную мелодию. Музыка заполняла комнату, отражалась от высоких потолков с облупившейся лепниной и растворялась в вечернем воздухе. На лице музыканта застыло выражение глубокой сосредоточенности, смешанной с какой-то внутренней болью. Он играл не для кого-то — он играл для себя, пытаясь выразить то, что не мог сказать словами.

Внезапно музыка оборвалась на высокой ноте. Молодой человек опустил руки на колени и замер, глядя в темноту за окном. Его взгляд был устремлён куда-то вдаль, сквозь крыши соседних домов, туда, где небо сливалось с огнями города. В этот момент он казался совершенно одиноким, отрезанным от всего мира невидимой стеной.

Дверь комнаты тихо скрипнула, и на пороге появилась пожилая женщина. Она была одета в простое домашнее платье, седые волосы аккуратно собраны в пучок. В её глазах читалась тревога и нежность одновременно.

— Михаил, опять ты за своё... — тихо произнесла она, делая несколько шагов вперёд. — Уже поздно, соседи могут услышать.

Молодой человек медленно повернул голову и посмотрел на мать. В его взгляде не было раздражения — лишь усталость и бесконечная грусть.

— Пусть слышат, мама. Какая разница? — ответил он глухим голосом.

Женщина подошла ближе и осторожно положила руку ему на плечо. Её пальцы слегка дрожали.

— Ты себя изводишь этой музыкой... И себя, и меня. Нельзя жить только прошлым.

Михаил усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

— А чем ещё жить, мама? Будущего у меня нет. Ты же знаешь.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Слышно было лишь тиканье старых настенных часов да далёкий гул проезжающих по улице машин. Женщина тяжело вздохнула и опустилась на стул рядом с сыном.

— Ты не прав, Миша. Жизнь продолжается. Нужно просто найти в себе силы идти дальше.

— Сил? — Михаил резко встал и подошёл к окну. Он опёрся руками о подоконник и с силой сжал дерево. — Где их взять, эти силы? После всего, что случилось?

Он замолчал, не решаясь произнести вслух то, что мучило его уже много месяцев. Женщина тоже молчала, понимая, что любые слова сейчас будут лишними. Она лишь смотрела на сгорбленную спину сына и чувствовала, как сердце сжимается от бессилия и любви.

За окном ветер усилился, раскачивая ветви старого тополя. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, раздались приглушённые голоса. Город жил своей жизнью — суетливой, равнодушной, не замечающей драм, разыгрывающихся за освещёнными окнами старых домов.

Михаил медленно повернулся к матери. В его глазах блеснули слёзы, но он быстро смахнул их рукой.

— Прости, мама... Я не хотел тебя расстраивать.

— Ты меня не расстраиваешь, сынок. Я просто боюсь за тебя. Боюсь, что ты так и не сможешь простить... ни себя, ни других.

Он ничего не ответил. Лишь молча подошёл к роялю и осторожно закрыл крышку. Комната погрузилась в тишину — теперь уже полную, абсолютную. И в этой тишине каждый из них остался наедине со своими мыслями, страхами и воспоминаниями, которые невозможно было ни забыть, ни заглушить даже самой прекрасной музыкой.

Глава 2

Ночную тишину квартиры разорвал резкий, настойчивый звонок в дверь. Звук был таким пронзительным, что Михаил вздрогнул, словно его вырвали из глубокого сна. Он переглянулся с матерью — в её глазах читался тот же вопрос: кто мог прийти в такой час? В их доме редко бывали гости, а уж после полуночи — никогда.

Звонок повторился, ещё более долгий и требовательный. Михаил медленно поднялся со стула, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. Он подошёл к двери и, не снимая цепочки, приоткрыл её. В тусклом свете лестничной клетки стояла женщина. Её лицо скрывала тень от капюшона плаща, но даже в полумраке было видно, что она промокла до нитки. Дождевые капли стекали по её одежде и собирались в небольшую лужицу на полу.

— Михаил? — её голос прозвучал тихо, но твёрдо.

Он замер, не в силах произнести ни слова. Этот голос... он узнал бы его из тысячи. Сердце пропустило удар, а затем забилось с бешеной скоростью. Женщина откинула капюшон, и свет из квартиры упал на её лицо. Это была она. Та, чьё имя он старался не произносить даже мысленно. Та, чьё исчезновение стало для него приговором.

— Анна? — выдохнул он, и имя прозвучало как стон.

Она кивнула, и на её бледном лице промелькнула слабая улыбка, больше похожая на гримасу боли.

— Впустишь меня? Я всё объясню.

Михаил машинально снял цепочку и отступил в сторону. Анна шагнула в прихожую, и вместе с ней в квартиру ворвался запах дождя и мокрой земли. Мать Михаила вышла из комнаты и остановилась в дверях кухни, сжимая воротник халата побелевшими пальцами. Она переводила взгляд с сына на незнакомку, и на её лице отражалась целая гамма чувств: от удивления до ужаса.

Анна сняла мокрый плащ и повесила его на крючок. Под ним оказалось простое тёмное платье, которое висело на ней мешком. Она выглядела измождённой, под глазами залегли глубокие тени.

— Я знаю, что вы меня ненавидите, — сказала она, обращаясь к матери Михаила. Её голос дрожал. — И вы имеете на это полное право.

Женщина ничего не ответила, лишь плотнее сжала губы.

— Садись, — глухо произнёс Михаил, указывая на стул в кухне. Его разум отказывался верить в происходящее. Это был сон? Галлюцинация?

Анна опустила на стул и сложила руки на коленях.

— Я не умерла тогда, — начала она без предисловий. — Это была инсценировка. Мне пришлось исчезнуть.

— Пришлось? — Михаил сжал спинку соседнего стула так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Ты просто взяла и ушла. Бросила всё. Бросила меня.

— Если бы я не ушла, нас бы обоих убили, — её голос сорвался на шёпот. — Я узнала кое-что... о твоём отце.

В кухне повисла мёртвая тишина. Мать Михаила тихо ахнула и прижала руку ко рту. Михаил застыл на месте.

— Что ты несёшь? Мой отец умер десять лет назад.

Анна подняла на него глаза, полные слёз.

— Он не умер. Его убили. А перед смертью он оставил мне документы. Доказательства того, что он раскопал схему отмывания денег через благотворительный фонд... который курируют очень влиятельные люди. Люди из правительства.

Михаил почувствовал, как земля уходит из-под ног. Всё, во что он верил, рушилось в одно мгновение.

— Я пыталась передать эти документы следователю, но его нашли мёртвым через два дня. Тогда я поняла, что они следят за каждым моим шагом. У меня был только один выход — исчезнуть. Сделать так, чтобы все поверили в мою смерть.

Она достала из кармана платья помятый конверт и протянула его Михаилу.

— Здесь всё. Я прятала это два года. Я не могла рисковать и хранить их дома... или у знакомых. Но теперь они нашли меня. Я больше не могу бегать.

Михаил дрожащими руками взял конверт. Он был тяжёлым.

— Почему ты пришла именно сейчас? — спросил он тихо.

Анна посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что я беременна, Миша. Это твой ребёнок. И я не хочу, чтобы он рос сиротой при живой матери... или чтобы его убили ещё до рождения.

В этот момент тишину ночи прорезал визг тормозов на улице. Через секунду раздался оглушительный хлопок — звук разбитого стекла где-то внизу, у подъезда. Михаил бросился к окну кухни и выглянул наружу. Во дворе стояла чёрная машина с тонированными стёклами. Из неё вышли двое мужчин в тёмных куртках и быстрым шагом направились к их подъезду.

— Они здесь, — прошептал Михаил, чувствуя ледяной ужас.

Он обернулся к Анне и матери. На их лицах читался тот же страх.

— У нас есть несколько минут, — сказал он твёрдо, принимая решение за доли секунды. — Мама, возьми самое необходимое. Анна... нам нужно уходить через крышу.

Он схватил конверт и сунул его во внутренний карман куртки.

— Куда мы пойдём? — прошептала мать.

— Туда, где они нас не найдут, — ответил Михаил, открывая окно кухни, выходящее на пожарную лестницу старого дома. Начиналась новая глава их жизни — глава борьбы за правду и выживание.

Глава 3

Холодный металл пожарной лестницы обжигал ладони, а ветер, казалось, пытался сбросить их вниз, в тёмный колодец двора. Михаил карабкался первым, за ним, тяжело дыша, поднималась Анна. Замыкала цепочку мать, чьи шаги были неуверенными и тихими. Каждый скрип ржавых ступеней отдавался в ушах Михаила набатом. Он слышал, как внизу, в квартире, с грохотом вылетела входная дверь.

Они успели. Когда троица достигла крыши, снизу донёсся топот тяжёлых ботинок по лестнице и приглушённые мужские голоса. Михаил осторожно прикрыл за собой крышку люка и задвинул на неё старый кирпич, валявшийся рядом. Это была слабая преграда, но она могла подарить им несколько драгоценных секунд.

Крыша встретила их пронизывающим ветром и панорамой ночного города, раскинувшегося до самого горизонта. Внизу текла река огней, безразличная к человеческой драме, разыгравшейся на высоте птичьего полёта. Михаил помог Анне перебраться через невысокий парапёт, поддерживая её под локоть. Мать, добравшись до верха, обессиленно опустила на мокрый рубероид, хватая ртом воздух.

— Куда теперь? — прошептала Анна, кутаясь в мокрый плащ. Её лицо в свете луны казалось восковым.

Михаил лихорадочно оглядывался по сторонам. Переход на соседнее здание был слишком узким и опасным, особенно для женщины в положении. Спускаться во двор — значит попасть прямо в руки преследователей. Остался только один путь — вверх.

Его взгляд упёрся в тёмный силуэт чердачной надстройки. Решение пришло мгновенно, дикое и отчаянное.

— Туда, — он указал на приоткрытую дверь чердака. — Попробуем укрыться и переждать.

Они пробежали несколько метров и нырнули в темноту чердачного помещения. Внутри пахло пылью, голубиным помётом и сыростью. Михаил прикрыл за собой дверь и замер, прислушиваясь. Снизу доносились приглушённые ругательства — преследователи столкнулись с препятствием на лестнице.

Внезапно тишину разорвал звук, от которого кровь застыла в жилах. Это был не топот ног и не крик. Это был тихий, но отчётливый щелчок взводимого курка пистолета с глушителем прямо за дверью чердака.

— Они здесь, — одними губами прошептал Михаил.

Он прижал палец к губам и жестом приказал женщинам отступить вглубь чердака, туда, где сгушались тени от старых стропил и сложенных досок. Сердце колотилось где-то в горле. Выхода не было.

Дверь медленно, со скрипом отворилась. В проёме показался мужской силуэт. Лунный свет выхватил из темноты холодный блеск оружия в его руке. Мужчина сделал шаг внутрь, вода стволом из стороны в сторону.

— Выходите по-хорошему, — произнёс он ровным, безэмоциональным голосом. — Нам нужен только конверт. Отдайте его, и никто не пострадает.

Михаил почувствовал, как Анна вцепилась в его руку ледяными пальцами. Он сделал шаг вперёд, заслоняя собой мать и любимую женщину. В голове билась одна мысль: он не может позволить им забрать документы. Это было последнее, что осталось от отца. Это была их единственная защита.

— У меня его нет! — крикнул он в темноту.

Мужчина усмехнулся и сделал ещё один шаг вперёд.

— Не усложняй себе жизнь, парень.

В этот момент произошло то, чего никто не ожидал. Из-за спины Михаила раздался спокойный, твёрдый голос его матери:

— Он говорит правду.

Мужчина с пистолетом замер и направил оружие на звук её голоса. Михаил резко обернулся. Мать стояла прямо, её плечи были расправлены, а в глазах не было страха — лишь ледяное спокойствие.

— Документов здесь нет, — продолжила она ровным тоном. — Я сожгла их полчаса назад.

В воздухе повисла пауза, густая и вязкая, как смола. Михаил смотрел на мать, не веря своим ушам.

— Что?.. Мама...

Она повернулась к нему и слабо улыбнулась уголками губ.

— Я нашла конверт в кармане твоей куртки, пока ты открывал окно, сынок. Я видела эти бумаги раньше... очень давно. Я знала, что они несут только смерть. Я не могла допустить, чтобы из-за них погибла моя семья.

Мужчина с пистолетом опустил оружие. Он сделал шаг назад, словно информация лишила его цели.

— Вы лжёте, — произнёс он уже менее уверенно.

— Проверьте квартиру, — пожал плечами женщина. — Там только пепел в камине. Ищите.

Мужчина постоял ещё секунду, затем резко развернулся и вышел из чердака, хлопнув дверью. Вскоре внизу раздался шум отъезжающей машины.

Тишина обрушилась на них оглушительной волной. Михаил смотрел на мать так, будто видел её впервые.

— Зачем?.. Почему ты мне ничего не сказала?

Она подошла к нему и коснулась его щеки сухой ладонью.

— Потому что ты бы не позволил мне этого сделать. Ты слишком похож на своего отца... такой же упрямый идеалист. Иногда нужно уничтожить прошлое, чтобы спасти будущее.

Анна тихо подошла к ним и обняла Михаила за талию.

— Но теперь у нас нет доказательств... Мы беззащитны.

Мать Михаила посмотрела на неё с материнской теплотой во взгляде.

— Доказательства были лишь поводом, — сказала она тихо. Настоящая цель была другой. Они хотели выманить нас всех вместе. Меня. Тебя. Её. Теперь они знают, что документов нет. И что мы знаем об их игре. А это значит... что настоящая игра только начинается.

Глава 4

Рассвет застал их в маленькой, затерянной в пригороде даче, принадлежавшей матери Михаила. Это было ветхое строение, спрятанное в глубине старого сада, где разросшиеся яблони и сирень создавали живую стену, скрывающую дом от посторонних глаз. Здесь пахло прелой листвой, сырой землёй и старым деревом — запахами, которые когда-то ассоциировались у Михаила с беззаботным детством, а теперь казались предвестниками новой, тревожной реальности.

Внутри было холодно и сыро. Михаил растопил старую печь, и теперь они втроём сидели за шатким столом, грея руки о кружки с горячим чаем. Пламя в печи отбрасывало на стены причудливые тени, делая их лица похожими на маски. Говорить не хотелось. Каждый был погружён в свои мысли, переваривая события прошедшей ночи.

Неожиданно тишину нарушил тихий, но настойчивый стук в дверь. Все трое замерли. Михаил медленно поднялся со стула, его взгляд метнулся к окну. На крыльце стоял пожилой мужчина в потёртом ватнике и кепке. В руках он держал плетёную корзину, накрытую чистой тряпицей. Это был Семён Ильич — сосед, живший через два участка. Михаил знал его всю жизнь как молчаливого и нелюдимого пчеловода.

— Не бойтесь, — произнёс Михаил, направляясь к двери. — Я его знаю.

Он открыл дверь. Сосед молча протянул ему корзину.

— Мать твоя звонила, — буркнул он, не глядя на Михаила. Его взгляд был устремлён куда-то поверх его плеча, в глубину комнаты. — Сказала, что вы тут. Велела передать.

Михаил взял корзину, ощущая тепло, идущее от неё.

— Спасибо, Семён Ильич.

Старик кивнул и уже собирался уходить, но вдруг остановился и снова посмотрел на Михаила. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Неладные дела творятся, Миша, — тихо сказал он. — В городе беспокойно. Ищут кого-то. Ты бы поаккуратнее тут.

Сказав это, он развернулся и быстро зашагал по мокрой дорожке к своему дому, вскоре скрывшись за поворотом.

Михаил закрыл дверь и вернулся к столу. Он снял тряпицу с корзины. Внутри оказались свежие яйца, банка мёда и небольшой бумажный свёрток. Развернув его, он увидел несколько купюр.

— Мама позаботилась, — сказал он с грустной улыбкой.

Анна устало кивнула и прижалась к его плечу. Мать Михаила лишь молча смотрела на огонь в печи.

День прошёл в тревожном ожидании. Они старались не шуметь, почти не разговаривали. Михаил несколько раз выходил в сад, чтобы осмотреть окрестности, но всё было тихо. Казалось, что они действительно смогли оторваться от погони.

Вечером, когда солнце уже садилось за горизонт, окрашивая небо в багровые тона, Михаил решил проверить старый сарай на участке. Там хранились инструменты и кое-какие припасы. Он открыл рассохшуюся дверь, и в нос ударил запах машинного масла и пыли. Пошагивая рукой по стене, он нащупал выключатель. Под потолком загорелась тусклая лампочка без плафона.

Он начал перебирать хлам на полках: старые банки с краской, ржавые инструменты... Его внимание привлек большой деревянный ящик в дальнем углу. Он был накрыт куском брезента. Михаил сдёрнул ткань и с удивлением увидел армейские маркировочные знаки на ящике.

Любопытство пересилило осторожность. Он с трудом открыл тугие защёлки и поднял крышку. Внутри, аккуратно упакованные в промасленную бумагу, лежали детали разобранного оружия: ствольная коробка автомата Калашникова, несколько магазинов и оптический прицел.

Михаил отшатнулся от ящика так, будто увидел змею. Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Что там? — раздался голос Анны за его спиной.

Она подошла ближе и заглянула в ящик через его плечо. Её глаза расширились от ужаса.

— Откуда это?..

Михаил не ответил. Он смотрел на оружие и чувствовал, как холодный пот выступает на лбу. В его памяти начали всплывать обрывки воспоминаний из детства: отец часто пропадал где-то месяцами, возвращался хмурый и неразговорчивым... Он всегда говорил, что работает в геологической экспедиции. Но теперь Михаил понимал: это была ложь.

В этот момент во дворе послышался звук подъезжающей машины. Это был не резкий визг тормозов их вчерашних преследователей. Машина остановилась мягко, почти бесшумно.

Михаил быстро закрыл ящик и задвинул его обратно в угол. Он схватил Анну за руку и потащил её обратно к дому.

— Прячьтесь! — прошипел он матери и Анне. — В подпол!

Они бросились к люку в полу на кухне и скрылись в темноте подвала как раз в тот момент, когда в дверь постучали. Но это был не грубый стук кулаком преследователей. Это был вежливый, короткий звонок.

Михаил медленно подошёл к двери и посмотрел в глазок. На крыльце стоял человек в дорогом тёмном пальто. Его лицо было спокойным и интеллигентным. В руках он держал тонкий кожаный портфель.

— Михаил? — произнёс незнакомец через дверь мягким баритоном. — Меня зовут Виктор Сергеевич. Нам нужно поговорить о вашем отце.

Михаил колебался лишь секунду. Что-то в голосе этого человека подсказывало ему: прятаться больше нет смысла.

Он открыл дверь. Незнакомец шагнул внутрь. Он окинул взглядом скромную обстановку дачи, затем посмотрел прямо в глаза Михаилу. В его взгляде не было угрозы. Была лишь усталость человека, который несёт тяжёлую ношу.

— Я знаю про документы, — сказал он тихо. — Твоя мать поступила мудро, уничтожив их. Но она уничтожила лишь копии. Оригиналы всегда были у меня. Я был другом вашего отца. И я тот человек, который нажал на курок, чтобы инсценировать его смерть десять лет назад.

Глава 5

Слова Виктора Сергеевича повисли в воздухе, тяжёлые и окончательные, как приговор. Михаил смотрел на этого элегантного, спокойного человека и не мог поверить услышанному. Человек, который стоял перед ним, не был похож на убийцу. В его глазах читалась не жестокость, а вековая усталость.

— Что вы сказали? — голос Михаила сорвался на хрип.

Виктор Сергеевич прошёл в центр комнаты и аккуратно опустил свой портфель на стол. Он не сел, оставшись стоять, словно давая понять, что его визит будет недолгим.

— Я сказал правду. Я убил твоего отца. Но не так, как ты себе это представляешь. Я убил его для всех. Для его врагов. Для системы. Чтобы он мог жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.